

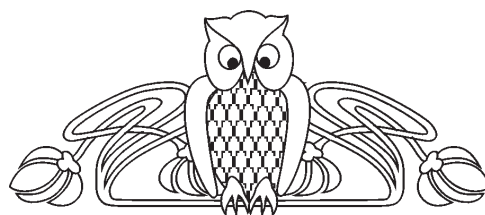
Примечания

- 1 См.: Лопатин В.В. Метафорическая мотивация в русском словообразовании // Актуальные проблемы русского словообразования. Ташкент, 1975. С. 53–57; Козинец С.Б. Словообразовательная метафора: пересечение лексической и словообразовательной систем // Филологические науки. 2007. № 2. С. 61–70.
- 2 См.: Балашова Л.В. Метафора в диахронии. Саратов, 1998. 216 с.
- 3 Там же. С. 195.
- 4 Там же.
- 5 Биржакова Е.Э., Войнова Л.А., Кутина Л.Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка 18 в. Языковые константы и заимствования. Л., 1972. С. 31.
- 6 Там же. С. 37.

- 7 Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. М., 1982. С. 102.
- 8 Виноградов В.В. История слов. М., 1999. С. 838.
- 9 Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. М., 1982. С. 228–229.
- 10 Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов / Под ред. Н.З. Котеловой. М., 1984. С. 762.
- 11 Химик В.В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб., 2004. С. 674.
- 12 Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона. СПб., 2001.
- 13 Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб., 2006.
- 14 Ковалевская Е.Г. История русского литературного языка. М., 1992. С. 281.

УДК 81–11: 008.001

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО КОНЦЕПТА «ДОМ» В КОНЦЕПТОСФЕРАХ А.П. ЧЕХОВА И ДЖЕЙМСА ДЖОЙСА (на материале малой прозы)

Ю.М. Фокина

Педагогический институт Саратовского государственного университета,
кафедра теории и истории языка
E-mail: english@pags.ru

Статья посвящена контрастивному исследованию художественного концепта «дом», репрезентированного в рассказах А.П. Чехова и Джеймса Джойса. Сравнительный анализ проводится автором на уровне структурной организации концепта.

Ключевые слова: художественный концепт, концептосфера, идиостиль, репрезентация, контрастивная поэтика.

Specific Representation of the Concept «House/Home» in A.P. Chekhov and James Joyce (Short Stories)

Yu.M. Fokina

The article deals with the comparative analysis of the concept *house/home* represented in short stories by A. Chekhov and James Joyce. The analysis is conducted on the level of concept structure.

Key words: concept in literature, conceptosphere, idiosstyle, representation, poetics of contrast.

Художественный концепт «дом» занимает в индивидуально-авторских концептосферах А.П. Чехова и Джеймса Джойса особое место. События большинства чеховских рассказов и рассказов Джеймса Джойса, включенных в сборник «Дублинцы», разворачиваются в пространстве человеческого жилища. Будучи неотъемлемой составляющей жизни человека, дом может быть постоянным или временным, принадлежащим или

не принадлежащим герою, служебным, административным и т.д.

Именем концепта «дом» в прозе А.П. Чехова является лексема *дом* (с учетом падежных форм данная лексема встретилась 54 раза в четырнадцати выбранных нами произведениях, написанных в период с 1888 по 1902 г.¹). В «Дублинцах», куда входят 15 рассказов, концепт «дом» представлен, главным образом, двумя существующими в английском сознании как неразрывное единство лексемами – *house* и *home*, (*house* употребляется в тексте 29 раз, *home* – 11²).

В силу того что художественный концепт предстает единицей сознания писателя, которая «получает свою репрезентацию в художественном произведении или совокупности произведений и выражает *индивидуально-авторское* осмысление сущности предметов или явлений»³, репрезентация концепта в художественных текстах носит уникальный характер.

Для выявления особенностей вербализации художественного концепта «дом» в рассказах А.П. Чехова и Джеймса Джойса мы, вслед за И.А. Тарасовой, выделяем следующие актуализированные в концепте слои: понятийный, предметный, ассоциативный, образный, символический и ценностно-оценочный⁴.

В процессе реконструкции *понятийного* слоя концепта «дом» важно помнить о том, что художественное значение, непосредственно связанное с авторским замыслом, характеризуется большей

степенью индивидуальности по сравнению со словарной дефиницией. В «Словаре русского языка» предлагается такое определение дома: «1) Здание, строение, предназначенное для жилья, для размещения различных учреждений и предприятий; 2) жилое помещение, квартира; жильё; 3) семья, люди, живущие вместе, одним хозяйством»⁵. Для понятийного слоя художественного концепта «дом», репрезентированного в произведениях А.П. Чехова, определяющим признаком служит второе словарное (узуальное) значение дома – «жилище», второй по значимости признак соотносится с первым словарным значением – «здание». «Dictionary of Contemporary English» предлагает три значения слова house: «1) A building that you live in; 2) all the people who live in a house; 3) a large public building used for a particular purpose»⁶. Home трактуется в том же словаре как «1) the house, apartment, or place where you live; 2) the place where you come from or where you usually live; especially where you feel happy and comfortable»⁷. Для Джеймса Джойса актуальны первое и третье словарные значения house – «дом» и «здание», а также первое значение home – «жилище».

В рассказах А.П. Чехова и Джеймса Джойса предметный слой концепта «дом» представлен следующими когнитивными признаками: «внешний вид дома», «части-составляющие дома» и «внутреннее убранство дома».

У Чехова при описании внешнего вида дома наибольшей концептуальной значимостью обладает информация о «возрасте» и «размере» жилища: *старый барский дом, старинный дом, большой дом, громадный дом, просторный дом, небольшой уютный дом, приземистый домик*. Наиболее интересной частью дома с точки зрения концептуального содержания является *окно*. Помимо основной функции – обозначения границы между ограниченным внутренним миром дома и безграничным внешним миром⁸, окно способствует мысленному уходу героев в другую реальность – пространство воспоминания и ностальгии («Архиерей», «Дуэль»). В этом случае оно становится не только местом соприкосновения пространств, но и местом встречи времен. К типичным предметам интерьера, заполняющим внутреннее пространство дома, у Чехова относятся: *старинная мебель из красного дерева, зеркало, ковер, камин, письменный стол, деревянные кровати с резными украшениями, гравюры в широких рамах, шкаф с книгами, рояль, ноты, иконы*. Они репрезентируют образ обжитого архаизированного пространства, средоточие культуры, духовности и покоя.

Описанию «помещичьего дома», для которого характерны большие полупустые пространства, роскошь, противопоставляется в произведениях А.П. Чехова изображение «крестьянской избы», где «темно, тесно и нечисто». Внутреннее убранство такого жилища составляют *иконы, скамья, люлька, сундуки, самовар и печь*. При этом печь, «темная от копоти и мух», занимает большую

часть пространства. В то время как в помещичьем доме стены украшены картинами, в крестьянской избе на них наклеены бутылочные ярлыки и обрывки газетной бумаги. Показателем достатка в семье крестьянина служат занавески на окнах дома и железная крыша («Мужики»). Если в прозе Чехова представлены типичные для России XIX в. образы «помещичьего дома» и «крестьянской избы», то в рассказах Джойса преобладает описание дома городского типа – здания из красного кирпича с блестящей крышей (*bright brick house with a shining roof*).

Доминантными когнитивными признаками внешнего облика дома в «Дублинцах» являются компоненты «старый» и «мрачный»: *dark house, brown house, old somber house, uninhabited house, ruinous house, empty house*. Следует отметить, что эпитет «мрачный» превалирует и в описании комнаты, которая отличается когнитивной выделенностью на фоне других частей дома (*little dark room, dark back room, high, cold gloomy room*). Как правило, это задняя, маленькая комната. Ее окна плотно занавешены, и героев постоянно окружает полумрак. Словосочетания *house of mourning, dead-room, heavy odour in the room* усиливают негативную коннотацию. Удаленная, темная комната типологически и семантически равна у Джойса Дублину. В рассказе «День плюща» («Ivy Day in the Committee Room») в небольшой комнате собираются едва ли не все представители дублинского общества. В представлении Джойса ограниченное пределами одной комнаты пространство отражает духовную замкнутость, косность окружающего мира, из которого героям не удастся вырваться. Немногочисленная мебель, присутствующая в доме, отличается громоздкостью: *swinging lamp of antique fashion, old square piano, square table, heavy chandelier*. Металлические предметы, чернотелые цвета убранства вызывают ощущение холода и дискомфорта: *uncarpeted room, walls free from pictures, black iron bedstead, iron wash-stand, clothes-rack, coal-scuttle, fender and irons, shelves of white wood, white bed-clothes and a black and scarlet rug, wash-stand and white-shade lamp*.

Наиболее подробно проработан в прозе А.П. Чехова и Джеймса Джойса ассоциативный слой художественного концепта «дом».

По причине неспособности персонажей освободиться от гнета стен дом ассоциируется у Джойса с *тюрьмой*. Пространственные обстоятельства *outside, there*, эксплицирующие «внешний мир», в сочетании с оценочным прилагательным *pleasant, much more pleasant* характеризуют внешнее пространство как нечто более значительное по сравнению с внутренним пространством дома. Являясь узниками собственного дома, герои мечтают «вылететь сквозь крышу и унести в другую страну» (*to ascend through the roof and fly away to another country*) («The Boarding House»), где есть «новый дом, дожидющийся их приезда» (*a new house, waiting for them*) («Eveline»).

В прозе Чехова к числу основных представлений-ассоциатов образа дома относятся:

дом-память. В рассказах «Дом с мезонином», «Скучная история», «Ионыч» дом становится своеобразной моделью памяти, напоминая героям о молодости, когда они были влюблены, полны надежд: «Глядя на темный дом и сад, которые были ему так дороги когда-то, он вспомнил все сразу – и романы Веры Иосифовны, и шумную игру Котика, и остроумие Ивана Петровича, и трогательную позу Павы...» («Ионыч»);

дом – цель жизни. Для некоторых героев Чехова обретение собственного дома становится целью жизни («Крыжовник», «Моя жизнь»). На достижение заветной мечты порой уходят лучшие годы, но это обстоятельство ничуть не смущает героев, поскольку стремление к комфорту и удобствам «мало-помалу затягивает людей даже с сильною волей». Столь низменной цели дается ироническая оценка: «Дорогие ковры, громадные кресла, бронза, картины, золотые и плюшевые рамы; на photographиях, разбросанных по стенам, очень красивые женщины, умные, прекрасные лица, свободные позы; пахнет весной и дорогою сигарой, пахнет счастьем, – и все, кажется, так и хочет сказать, что вот-де пожил человек, потрудился и достиг, наконец, счастья, возможного на земле» («Моя жизнь»);

дом – человек. Построенный человеком дом, будучи его детищем, наследует как особенности внешности своего хозяина (*упрямое, черствое выражение; линии сухие, робкие; дома, похожие друг на друга, напоминали его цилиндр, его затылок, сухой и упрямый*), так и черты его характера (*упрямый, бездарный*).

Среди *образных* номинаций, актуализирующих соответствующий слой концепта, выделяется модель «дом как живое существо». Дом в рассказах обоих писателей обладает способностью «владеть» своими жильцами и влиять на них. Но влияние на живущих в нем людей различно.

Чеховский дом, обладая таким качеством, как таинственность, привлекает к себе внимание, притягивает, очаровывает своим внутренним миром: «В доме было сумрачно, таинственно, пахло грибами...» («Моя жизнь»). Дом сочувствует героям, с мудростью старца наблюдая за их увлечениями, страстями, страданиями: «Милый, наивный, старый дом, который, казалось, окнами своего мезонина глядел на меня, как глазами, и понимал все» («Дом с мезонином»). Влияние дома на своих обитателей в «Дублинцах» иное. Складывается впечатление, что не дом принадлежит хозяевам, а они являются его принадлежностью, зависимы от него. Люди прикованы непонятной и страшной силой к своему опустылевшему жилищу. Эвелин, героиня одноименного рассказа, хотя и понимает, что в этом месте ее ожидает участь не лучшая, чем судьба сошедшей с ума матери, так и не находит в себе сил разорвать связывающие с домом путы. Сравнение дома с бродягой указывает на тот факт,

что дом не реализует свою основную «охранительную» функцию жильцов: «They seemed to him a band of tramps, huddled together along the river-banks, their old coats covered with dust and soot, stupefied by the panorama of sunset and waiting for the first chill of night to bid them arise, shake themselves and begone» («A little Cloud»).

Символический слой концепта «дом» в рассказах А.П. Чехова представлен устойчивой символической ассоциацией *дом – космос, гармония*. Данная символическая модель соответствует традиционному в русском языковом сознании представлению о доме как месте телесного и духовного обитания человека, связанному с культурным наследием (*книги, рояль, ноты*), памятью (*портреты*), духовными традициями и ценностями (*иконы*). В таком доме обретают спокойствие, защищенность, уют («Студент», «Дом с мезонином», «Ионыч», «Крыжовник»). В «Дублинцах» Джойса ведущей символической линией является *дом – хаос, дисгармония*. Утрата духовного мира в доме ведет к превращению его в *антидом*. Об этом свидетельствует утрата «своего» пространства, отличного от других; невозможность покинуть свой дом; пустота дома, духовная и вещная. Извращенное пространство антидома совершенно переворачивает, парализует, заколдовывает все естественные, настоящие человеческие отношения. Такой дом жидется на принципах еды, похоти и насилия. Символ дома как хаоса и дисгармонии особенно ярко реализуется в рассказе «Пансион» («The Boarding House» – «Наемный дом»). Здесь традиционные жертвы (например, мамаша Муни – несчастная, брошенная, избиваемая жена и оскорбленная мать) превращаются в палачей, которые, перешагивая через все святые, заполучают очередных жертв. Смирненными, послушными жертвами, в свою очередь, становятся палачи-насилыники (папаша Муни, мистер Доран – постоялец, которого соблазнила похотливая дочь Полли).

При рассмотрении *ценностно-оценочного* слоя концепта «дом» можно сделать вывод, что в произведениях Чехова прослеживается положительная эстетическая оценка художественного денотата. Она эксплицируется атрибутивными характеристиками объекта, имеющими положительную коннотацию (уютный, милый, наивный и др.), а также синтагматическими связями лексемы с предикатами, отражающими «центростремительное движение» (возвращаться домой, идти к дому, приехать домой, войти в дом). У Джойса реализуется отрицательная оценка образа дома. На это указывают образы некрологической семантики на уровне микроконтекста (*mourning, dust, coffin, the dead, clay, etc.*); атрибутивные словосочетания негативной эмоциональной окраски (*somber house, dark house, grey house, poor stunted houses*); а также предикаты, в значении которых присутствует сема «центробежное движение» (*to leave, to walk away, to go away, to come away, to escape*).

Примечания

- 1 Чехов А.П. Собр. соч.: В 8 т. М., 1970. Т. 4–6.
- 2 Joyce J. *Dubliners. A Portrait of the Artist as a Young Man*. М., 1982.
- 3 Беспалова О.Е. Концептосфера поэзии Н.С. Гумилева: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2002. С. 6.

- 4 См.: Тарасова И.А. Идиостиль Георгия Иванова: когнитивный аспект. Саратов, 2003. С. 74.
- 5 Словарь русского языка: В 4 т. М., 1981–1984 (МАС). Т. 3. С. 698.
- 6 Dictionary of Contemporary English. Oxford, 1995. P. 694.
- 7 Dictionary of Contemporary English. P. 684.
- 8 Шехватова А.Н. Мотив в структуре чеховской прозы: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2003.

УДК 811.111'04'37

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА И ДИСКУРС (лексема *sloth* в религиозном дискурсе среднеанглийского периода)

М.Ю. Колокольникова

Саратовский государственный университет,
кафедра английской филологии
E-mail: marinaugustina@mail.ru

В статье на примере существительного *sloth* рассматривается роль дискурса в историческом развитии семантической структуры лексических единиц.

Ключевые слова: лексическая семантика, историческое развитие, религиозный дискурс, морально-этическая сфера.

**Lexical Semantics and Discourse
(the Noun *sloth* in the Middle English Religious Discourse)**

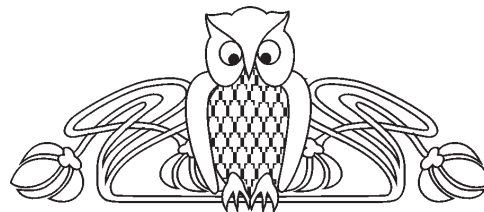
М.Yu. Kolokolnikova

The article considers the role of discourse in the historical development of the semantic structure of lexical units through the specific study of the noun *sloth*.

Key words: lexical semantics, historical development, religious discourse, moral-ethical sphere.

На протяжении уже довольно длительного времени одним из наиболее актуальных и интересных направлений общей теории языкового развития остается изучение процессов исторического изменения семантики лексических единиц, их основных типов и причин. К числу последних все чаще относят и регулярное использование слов в рамках того или иного дискурсного пространства, т. е. того или иного «возможного (альтернативного) мира», который «требует особого использования языка для выражения особой ментальности»¹.

Действительно, опыт многих исследований в данной области свидетельствует о том, что дискурс не только тщательно и целенаправленно отбирает из общеупотребительного словарного фонда необходимые ему лексические единицы, но и активно приспосабливает их к характерным для него целям и условиям общения. Таким образом, дискурс, будучи сложным единством языковой формы, значения и действия², выступает

в качестве той коммуникативной среды, которая модифицирует смысловую структуру лексических единиц, а со временем может закреплять результаты подобных изменений в системе языка.

Последнее оказывается возможным во многом благодаря наличию в дискурсном пространстве тематических блоков, которые на определенном хронологическом этапе развития общества отличаются особой социальной значимостью, а следовательно, и высокой степенью воспроизводимости, повторяемости. Подобные тематические блоки и их отдельные компоненты не только играют большую роль в обеспечении единства смыслового пространства самого дискурса, но и способствуют распространению его влияния на другие типы дискурсов, перенося, «транслируя» в их сферу при помощи различных инодискурсивных включений, свойственные «донорской» дискурсивной области смыслы и понятия.

Это влечет за собой и перенос специфических для данного дискурса лексических средств воплощения актуальных смыслов. Именно в этом, по-видимому, заключается один из важнейших механизмов закрепления в системе языка тех изменений в семантике лексических единиц, которые первоначально представляют собой результат их регулярного функционирования в том или ином дискурсе и выводятся из суммы типичных для них контекстных значений.

Значительный интерес в этом отношении представляет исследование религиозного дискурса, который главным образом ориентирован не на порождение новых смыслов и тем, а на воспроизведение уже существующих. Важно также и то, что религиозный дискурс в силу своей специфики оказывает влияние на формирование и развитие не только собственно религиозного слоя лексики, но и общеупотребительных лексических единиц, особенно тех, которые относятся к морально-этической сфере. Ведь религиозная вера, как известно, объединяет «модель мира и нравственный закон»³.